

Ю Р И Й В

Я

З

Е

М

С

К

И

Й

БЕСОВ НОС

...НАСТОЯЩЕЕ ЗДЕСЬ
ПЕРЕХОДИТ В ПРОШЛОЕ.

Евгений Водолазкин

МОЛОТ
ТОРА

Юрий Павлович Вяземский

Молот Тора

Серия «Бесов нос: Юрий Вяземский», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65285762
Молот Тора: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-122694-7

Аннотация

Рыбалка – прекрасное место не только для отдыха, но и для неформальной встречи людей с разными интересами. И порой не знаешь, к чему такая встреча может привести. А когда беседа на природе оборачивается возможностью в непринужденной обстановке не только узнать мнение другого человека, но и окунуться в прошлое, и это прошлое, возможно, дает тебе ответы на насущные вопросы – вдвойне полезнее.

Прошлое и настоящее, современность и скандинавский эпос. Что ждет нас впереди?..

«Молот Тора» – это продолжение цикла «Бесов нос».

Содержание

Утро телеведущего	6
Сага о Хельги	24
1	24
2	25
3	27
4	30
5	32
6	33
7	35
8	36
9	37
10	39
11	41
12	42
13	43
14	44
15	45
16	47
17	49
Отправились	51
Хельгисага (18–31)	66
18	66
19	68

20	69
21	70
22	71
23	73
24	75
25	77
26	80
27	81

Конец ознакомительного фрагмента.	82
-----------------------------------	----

Юрий Вяземский

Молот Тора

© Вяземский Ю., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Утро телеведущего

Телеведущий Александр Труль проснулся раньше других.

Он спустил ноги с постели, сел, оглядел дощатую стену, отыскал в ней щербинку между досками и стал размышлять.

Два или три года подряд областной губернатор лично и через своих помощников приглашал его порыбачить на Ладоге. И вот, когда в его чрезвычайно плотном графике образовался удобный просвет и Саша наконец смог принять приглашение, губернатора на рыболовной базе не оказалось – его якобы сняли с должности. Не встретил Ведущего и хозяин базы – он накануне куда-то уехал с другим персоналом. Хотя неделю назад звонил Александру, восхищался оказанной ему «неслыханной честью» и обещал «лучшую в мире рыбалку».

Труля принял то ли карел, то ли вепс – коротконогое, смуглолицее существо со сплюснутым носом и безгубым ртом, в красной шапочке на макушке. Он объявил себя «драйвером» и просил называть Петровичем. Он как бы единственный, кто остался на базе, а потому и егерь, и повар, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Услужливый – иногда почти лакейски. Поразительно догадливый. Но при всей своей услужливости и догадливости было в нем нечто нарочитое – актеры называют это наигрышем. Причем наигрывал он то

ли колдуна, то ли тролля, на которого был похож с его ярко-зелеными и иногда желтеющими глазами.

«Лучшая в мире рыбалка» на деле оказалась вполне заурядной. Поймали четырех с трудом зачетных лососей. Воблеры допотопные. Эхолотом Петрович не пользовался.

К тому же напарниками Александра оказались два мало пригодных для рыбалки субъекта.

Первого звали Андрей Владимирович Сенявин. Университетский профессор истории. Высокий, широкоплечий, представительный, с богатой шевелюрой, густыми усами и в ухоженной бороде с аристократической проседью. Внешне похож то ли на какого-то писателя-классика, то ли на самодовольного попа. Но с постоянно недовольным лицом; он даже когда хотел улыбнуться, как бы выдавливал из себя улыбку. И при всей своей вальяжности – прямо-таки олицетворение Адлерова комплекса: внешнее превосходство и внутренняя неполноценность. То есть соткан из противоречий. Во всем. Вплоть до мелочей. Ругает всех и вся. Особенно ругал телевидение. Но при этом бросалось в глаза, что он перед Сашей старался, чтобы его внимание на себя обратить. И к тому же похож на сильно пьющего человека. Тот еще фрукт.

Второй напарник – вообще полное недоразумение. На рыбалке как будто впервые – подсачеком лосося от мотора отгонял! К тому же совершенно больной – кашляет и мучается радикулитом. Он ходит-то с трудом, а когда в лодку садится или из нее выбирается – совсем душераздирающее зрелище!

С какого перепугу он на рыбалке нарисовался?!. Лет ему не меньше шестидесяти. Похож на католического монаха с тонзурой. И еще больше похож на сутулого шимпанзе. Вернее, на помесь шимпанзе и мастифа с обвисшими брелями. Испанского. Нет, скорее, английского. Если такое можно себе представить! Когда с тобой разговаривает, смотрит куда-то мимо тебя. Может начать возражать минут через пять, через десять после того, как ты высказал свою мысль и когда разговор давно поменял тему. Часто говорит косноязычно, как бы выдавливая из себя слова. А иногда, наоборот, мало-разборчиво тараторит. Несколько странных заявлений вчера сделал. Зовут его Дмитрий Аркадьевич Соколыцев. Но он просил называть его Митей.

Припомнив и как бы проговорив всё это внутри себя, Александр отыскал глазами гладкую вагонку, нашел на ней самое чистое место и сосредоточил на ней взгляд. Губы Телеведущего тронула безмятежная улыбка, глаза наполнились радостным светом, ноздри чуть подрагивали при вдохе и при выдохе, будто лаская проходящий воздух. И скоро мысли у Александра потекли в следующем направлении:

А ведь хорошо, что не приехал губернатор со своей свитой. В свете той задачи, которую перед Александром поставили «за зубцами», ему сам бог велел сначала хорошенько расслабиться, а затем спокойно сосредоточиться, нащупать возможные варианты и выбрать из них наиболее перспективный.

Драйвер Петрович, хоть и скоморох, и косит под тролля, Сашу ничуть не раздражает. Забавный человечек. И в чем-то действительно загадочный. Догадаться, что он, Александр, любит «Чивас ригал», разбавленный молоком, – ну, этому еще можно, наверное, найти какое-то реалистическое объяснение. Но как объяснить те фокусы, которые Петрович вчера выкидывал с поклевками? Он заранее предсказал, на какой из многочисленных спиннингов клюнет. И несколько раз это сделал. Оно, конечно, хороший егерь всегда должен предчувствовать. Но не настолько же!.. Можно попробовать расспросить этого копперфильда, как он это делает. Вдруг поделится...

Теперь о Профессоре. При всех его комплексах он интересен как тип, как образчик нынешних университетских оппозиционных интеллектуалов, которые прежде всего к самим себе в оппозиции. Его – или таких, как он, – уже в качестве примера можно будет использовать... И тем более любопытна его теория «девятимерного человека», «девятикомнатного» культурного здания, с подробным экскурсом в русскую историю – да, циничным, но, черт побери, оригинальным! Из тех «лекций», которые он вчера весь день читал, можно с десятка передач сделать... Неплохо бы выяснить: его и вправду выгнали из университета за его лекции...

С Профессором ясно. И совсем не ясно с этим Митей, или Соколыцевым. Жалким и смешным этот кашляющий и страдающий радикулитом человечек казался Саше во время ры-

балки. А после того, как они поднялись на скалу к рисунку беса (или кто там нарисован на камне?), Митя перестал казаться жалким. Оказалось, что он знает много языков, и чувствовалось, что он ими и вправду владеет. Он несколько раз со знанием дела поправил Профессора, когда тот принялся рассуждать о викинггах, о Рюрике и так далее, и так далее. Профессор на Митю окрысился и стал задавать ему разные провокационные вопросы: например, о том, какие книги он перевел, раз позиционирует себя переводчиком. А Митя его остроумно отшил, заявив, что переводит «рукописи, которые не написаны». Профессор стушевался.

За ужином Митя еще сильнее разозлил Профессора и еще больше удивил Александра. Он, до этого казавшийся косноязычным, красочно и в лицах пересказал одну историю. Про то, как в очереди к поясу Богородицы среди других обычных людей оказался чуть ли не Иоанн Богослов, которой подверг критике всё нынешнее русское православие.

Но самое удивительное, что чем дальше, тем больше этот странный Митя стал к себе как бы притягивать его, Александра. Так иногда тянет к человеку, которого когда-то хорошо знал, а потом долго не видел и не сразу узнал, когда снова встретил, но почти тут же стало тянуть...

Улыбка на лице Ведущего в этот момент достигла нужной степени солнечности. Медитацию можно было прекратить.

Совершив необходимый утренний туалет, Труль пере-

оделся в спортивный костюм и вышел из длинного дома.

Сашу ослепило солнце, выползавшее из мохнатой тучи над горизонтом.

– Выплевывает, как я говорил, – откуда-то сбоку раздался голос.

Труль посмотрел в ту сторону и с трудом различил фигуру Драйвера.

– Помнишь, вчера вечером ящер заглотнул солнце. А теперь, это самое, выпускает, – сообщил Петрович.

Туча и вправду напоминала какое-то длинное и плоское животное, как бы с хвостом и с раскрытой пастью, из которой только что выползло слепящее солнце.

Саша зажмурился, переждал некоторое время, а потом глянул в сторону Петровича. И увидел, что тот сидит на корточках, у его ног стоит миска, из которой он вынимает кусочки мяса и кормит ими... волка!

Труль еще раз зажмурился. А когда снова открыл глаза, увидел, что животное еще больше стало похоже на волка.

– Волк тоже человек. Тоже жрать хочет, – пояснил Петрович и добавил: – Я тебе овсянку без молока сделаю. Как ты любишь.

«Он и это знает», – удивленно подумал Ведущий. И возразил:

– На этот раз обознался, Толян. Я как раз с молоком люблю.

– Не любишь. Не сочиняй. Не надо лохматить карела –

изрек Петрович, не глядя в сторону Саши. На него глянул волк и, как померещилось Труллю, усмехнулся.

Ворота стали медленно открываться. Саша прошел в них.

«У него, наверное, в руке или в кармане пульт. И он им незаметно управляет», – объяснил себе Александр.

За воротами солнце слепило еще сильнее. Под солнцем разноцветными блестками искрился туман, тонким ворсистым как бы одеялом накрывший озеро. А справа, в той стороне, где лежал поселок, с неба до земли воздвиглась туманная стена – плотная, серая и чуть желтоватая. Казалось, сквозь нее не только что-нибудь разглядеть – пройти не удастся.

И только Ведущему так подумалось, из этой стены выбежал мальчишка лет десяти, за ним – гладкошерстая черная такса. Мальчишка был в белых трусах, а сам весь черный: ноги, тело, руки, даже лицо.

«Где ж ты так вымазался?!» – удивился Саша, глядя на мальчишку. Тот, похоже, испугался и нырнул обратно в туман. А такса сперва коротко и злобно облаяла Трулля, затем устремилась следом за мальчишкой. Саша успел заметить, что к ее задним лапкам привязана доска с двумя колесиками по бокам, и эдак, перебирая передними лапками, собачонка передвигается.

Как только мальчонка и такса растворились в тумане, оттуда, из-за занавеса, прозвучали удары колокола. А со сто-

роны базы, из-за успевших закрыться ворот, раздался странный свист – будто кто-то громко свистел, выбирая промежутки между ударами колокола.

Труль пробежал в сторону холма и скалы с бесом – там не было тумана.

Еще накануне Александр приглядел себе место для утренней тренировки – широкую площадку с поваленной сосной.

Не добежав до нее, Труль остановился. С одним из росших вдоль дороги высоких кустов творилось нечто странное: его верхушка искрилась каким-то мигающим, почти электрическим светом. Приглядевшись, Саша понял, в чем дело: множество маленьких птичек, похожих на воробьев, порхали возле веток, взлетая и опускаясь, трепеща и сверкая на солнце крылышками. Огненным роем птицы взметнулись ввысь, когда Труль совсем к ним приблизился.

На поляне Александр приступил к упражнениям. Он старался их делать каждое утро, когда это было возможно. Начал он с прыжков в длину, сначала коротких, потом все длиннее и длиннее. Сперва – только вперед. Потом – назад. Затем стал прыгать вправо и влево, будто уклоняясь от удара.

Покончив с прыжками в длину, стал прыгать в высоту, перемещаясь по кругу поляны. Опять-таки сначала подпрыгивая невысоко, а затем всё выше и выше взлетая. С какого-то момента он начал в прыжке поджимать под себя ноги. Потом, поджав ноги к животу, обхватывал их и на мгновение

как бы зависал в воздухе. И наконец, высоко взлетев над землей, быстро подобрал ноги и перебросил их себе за голову, совершив акробатический кульбит и ловко приземлившись. Таких сальто он проделал шесть штук – три раза поочередно вперед и назад. И сел отдохнуть на пенек.

К солнцу и озеру Саша повернулся спиной и перед собой, над деревьями, увидел яркую радугу. Она вырастала из болота, бывшего за деревьями, и в нижней части ее цвета словно наплывали друг на друга – будто краски намокли и слегка растеклись. А наверху – искрились четким и сухим своим семицветьем.

Тут померещилось Труллю, что в средней части этой диковинной радуги снизу вверх движется нечто похожее на коня и на всадника.

«Похоже, я переборщил с прыжками», – сказал себе Александр и закрыл глаза. А когда снова открыл их, никто уже не скакал по небесному мосту.

Еще немного передохнув, Саша стал бегать взад и вперед по поваленной сосне, ступнями избегая сучков и телом уворачиваясь от редких засохших веток, с каждым разом убыстряя движения.

Затем соскочил с сосны, подбежал к скалистому выступу и стал карабкаться вверх, умело и ловко, как это делают скалолазы.

Однако на полпути Александр остановился. Послышалось ему, что на вершине скалы кто-то вдруг засмеялся, а потом

два или три голоса разом заговорили. Слов Трулль не мог разобрать. И показалось ему, что не по-русски они разговаривали.

«Мне еще зрителей не хватало!» – подумал Трулль и прыгнул вниз со скалы, перевернувшись и развернувшись в воздухе, как кошки умеют.

И побежал в сторону базы.

Ворота раскрылись, когда Трулль к ним приблизился, и закрылись, как только он ступил на территорию базы.

Войдя в прихожую-мастерскую длинного дома, Александр услышал, как в зале дискантом кричит Профессор. Фраз целиком не было слышно – до Саши долетали лишь отдельные слова: «безобразие!», «издевательство!», «не позволю!».

Трулль принялся изучать токарный станок – дабы не потерять выработанный «солнечный настрой» и подготовить себя к «конфликтной обстановке».

Но «обстановка» сама выбежала в мастерскую и угрожающе надвинулась на Александра.

– Всё! Лопнуло мое терпение! Больше не намерен сносить издевательства! Не позволю! Шут гороховый! Специально устроил, а теперь несет околесицу! – уже не дискантом, а треснутым баритоном выкрикивал Профессор, глядя на Трулля. Шевелюра взлохмачена, глаза красные, усы торчком, борода помятая. К тому же от Сенявина заметно тянуло

перегаром.

Прорычал и выбежал во двор.

Труль укоризненно покачал головой и вошел в зал.

Там за длинным столом, задумчиво теребя пальцами столешницу, сидел Митя. Рядом с ним стоял и моргал зелеными глазами драйвер Петрович.

– Что тут у вас стряслось? – лучисто улыбаясь, спросил Александр.

Митя в ответ закашлялся.

Петрович выждал, когда тот кончит кашлять, и пояснил:

– Ну, выпил вчера человек. С трудной ноги встал. Опять-таки не выспался.

Митя снова ненадолго зашелся кашлем. А когда приступ окончился, Петрович продолжал:

– Накинулся на меня. И несколько раз даже матом выразился. Но тут Аркадич вышел, и он, то есть Профессор, это самое, нет, не утомился, но матюгами перестал оклеивать.

Петрович говорил вроде бы виновато, но глаза его радостно поблескивали.

– Так что же все-таки произошло? – повторил вопрос Труль.

– Как я предупреждал, так и произошло, – уже не виновато, а чуть ли не торжественно объявил Петрович.

– О чем ты предупреждал, я, думаешь, помню?

– О том, что, судя по знакам, Мирошка ночью заявится, полюбовницу приведет и над головой у Профессора, ну, так

сказать... Мирошка! Так домового зовут. У них, между прочим, тоже любовь случается. И они, не вопрос, сильно скрипят половицами... А тут еще в самый разгар Мирошкина супружница нарисовалась. Ну и, сам понимаешь, как весело стало внизу Профессору!.. Я ведь вчера по-взрослому предупреждал. А он: мне, типа, по барабану... Ну, барабан и накликал на свою бедную голову.

– А если серьезно? Без домовых? – настаивал Труль.

– Без домовых, конечно, было бы тихо. Но тут, видишь ли... Он, говорит, полез на чердак, чтобы навести там порядок. Но дверь-то я запер. И потом, даже если б вошел, он бы никого не увидел... Меня надо было вызвать!

На этих словах Петровича в зал вбежал Профессор. Похоже, он подслушивал в прихожей.

– Его вызвать! – гневно вскричал Сенявин. – Я вас повсюду искал! Но вы как сквозь землю провалились.

Петрович виновато захлопал глазами:

– Ну да, провалился... Мне ведь тоже надо поспать.

– Поспать ему надо! А другим людям не надо?!

– Свистнули бы. Я когда засыпаю, меня из пушки не разбудишь. Но свист всегда слышу. Даже слабый.

И Петрович легонько свистнул.

У Профессора одна бровь будто скакнула на середину лба. И, глядя на Трулля, Сенявин визгливо воскликнул:

– Опять издевается! Шута из себя строит и нас всех в шутов превращает. Пустил, понимаешь, какую-то пьяную ком-

панию безобразничать над моей головой. А теперь про домовых нам рассказывает... Погодите! Я вам таких домовых покажу!

Профессор снова выбежал из зала.

Оставшиеся в зале некоторое время молчали.

Первым нарушил молчание Драйвер:

– Когда успокоится, будем спокойно завтракать. Немного придется подождать.

– Не думаю, что скоро успокоится, – улыбочиво усомнился Труль.

– Уймется, куда он, бедняга, денется. Хоть к бабке не ходи, – уверенно пообещал Петрович и неожиданно строгим тоном велел Александру:

– Давай, рассказывай, что ты сегодня слышал.

– О чем ты? – не понял вопроса Труль.

– После того как вышел за ворота, что слышал?

– Не слышал, а видел. Видел довольно странную таксу, у которой вместо задних лап – колесики. И потом, на скале, к которой ты нас вчера водил...

– погоди со скалой, – недовольно перебил Петрович. – Когда вышел за ворота, какие звуки слышал?

– Слышал, как в поселке звонил колокол. А между его ударами кто-то посвистывал на базе... Ты свистел?

– Вот видишь, как интересно бывает! – воскликнул Драйвер и подмигнул, но не Трулю, а Мите: – Я и не думал свистеть. И нет никакого колокола... А у Бесова Носа что слы-

шал?

– Там какие-то иностранцы забрались на холм и переговаривались между собой, – сообщил Труль.

– Ну, Сань, ты даешь! Ты сам прикинь, какие в такую рань могут быть иностранцы? И как может звонить колокол, когда его нет и в поселке, и во всей ближайшей округе? Понятно?

– Не очень, – признался Труль и ласково попросил: – Может, прекратишь дурачиться и объяснишь, какого ляда ты меня сейчас троллишь.

– Да я, так сказать, интересуюсь, что тебе предъявили. А ты, значит, слышать-то слышишь, но объяснить не можешь.

– А ты можешь? – усмехнувшись, спросил Труль.

– Могу. Объясняю... – начал Петрович. Но его перебил снова появившийся в зале Профессор:

– Он всё может! И всё объяснит! Но сделать так, чтобы человек мог спокойно заснуть и ему не мешали!.. И тысячу объяснений: то лаком везде пахнет, то домовые над головой!.. – И без паузы: – Когда первая электричка на Питер?

Драйвер моргал и молчал.

– Вы слышали, что я спросил?! – гневно воскликнул Профессор.

Петрович весь съежился и будто стал еще меньше ростом:

– Минут через десять-пятнадцать... Не успеете...

– А следующая?

– Следующая... это самое... Надо посмотреть... На память затрудняюсь... – испуганно бормотал Драйвер.

– Ну так смотрите, черт вас побери! А я пойду собираться. Ноги моей здесь больше не будет!

Профессор снова выбежал.

Трулль проводил его сочувственным взглядом, поправил золотистую прядь, которая была у него с левой стороны и чуть прикрыла ему глаз, лучисто улыбнулся и сказал:

– Ну и как там у нас с колоколом и... со свистом? Ты обещал объяснить.

– Это проще простого, – радостно объявил Петрович. – Тут, за речкой, болото. Трясина в нем то оседает, то поднимается на поверхность. Иногда разом – вернее, частями – оседает и поднимается. И вот, когда поднимается, как бы колокол звонит, а когда оседает – свистит. Как-то так.

– А на скале кто... трындел?

– У нас это называют *разговорами карликов*. Они, типа, любят прятаться за камнями и оттуда людей подслушивают и повторяют. Но ты, по ходу, молчал. И они от нечего делать начали друг друга передразнивать. Давай так скажем.

– Сказать-то можно, Толян, – ласково возразил Александр. – Но у телезрителей может возникнуть вопрос: откуда тебе, Петрович, всё известно: про домовых, про трясину, про карликов?

Драйвер ему запросто ответил:

– Я вчера в бане Аркадичу докладывал. Он тебе не успел? Меня, Санечка, в детстве карлики украли. Они, так сказать, завидуют нашему высокому росту и женятся на наших жен-

щинах или похищают у них детей. А своих собственных подкидывают людям, чтобы те кормили их своим молоком. Вот и меня строллили. А мамаше моей всучили подкидыша, маленького и сморщенного. И пока она, это самое, не сообразила, как меня обратно вернуть, я у этих карликов тусовался и как бы постигал их науку.

– И как тебя обратно вернули, чудо мое?

– Как-как... Нашлись добрые люди. Обучили. Мамаша натерла жиром пяточки у подкидыша, поднесла их так близко к огню, что он заорал благим матом. Карлики этот вопль услышали. Ну и, как говорится, своя-то рубашка, своя-то кровиночка... Короче, прибежали и выменяли обратно... Как-то так, говорят, было. Сам-то я не очень хорошо помню.

К сказанному Петрович что-то прибавил на своем угорском наречии.

– Будь ласка, переведи, – попросил его Александр.

– Что перевести?

– То, что сейчас сказал на своем лягушачьем.

– Я, Сань, как бы молчал. Это тебе показалось, – удивленно ответил Драйвер, моргая зелеными глазами.

И снова заговорил на карельском. Но Труль теперь смотрел на него и видел, что губы его не двигаются.

А следом за этим кто-то на чужом, непонятном языке стал отвечать Петровичу как бы с порога прихожей. Но когда Александр посмотрел в ту сторону, то никого не увидел.

«Чертовщина какая-то! – подумал Труль. – Я явно пере-

старался с зарядкой».

– Давай, Саша, принимай душ, переодевайся, – велел Петрович. – А я буду накрывать на стол. А то Профессор придет завтракать, и всем нам опять достанется!

«Размечтался! Профессор к нему завтракать придет!» – подумал Труль.

– Сегодня четверг. Утренняя уже ушла. А следующая только к вечеру. Не вопрос, – сообщил Драйвер, будто прочел Сашины мысли.

Телеведущий покачал головой и пошел приводить себя в порядок.

Когда Александр вышел к завтраку, Профессор сидел за столом. Перед ним стояла яичница-глазунья. Он на нее ту-по смотрел (именно каким-то *тупым* взглядом) и отправлял в рот маленькие кусочки хлеба, которые отламывал от большого ломтя.

Митя ел манную кашу, роняя сгустки на стол и один раз – себе на рубашку.

Трулю Петрович подал овсянку. Александр сел рядом с Митей.

Помолчали.

Первым нарушил молчание Драйвер. Подкравшись сзади к Сенявину, он игриво спросил:

– А не прикажете ли водочки подать? Всего одну рюмочку. Холодненькую. Запотевшую!

Профессор, совсем теперь не похожий на Тургенева, не оборачиваясь, сделал лицо, похожее на... «Такое лицо я видел, кажется, у Брейгеля Старшего», – вспомнилось вдруг Трулю.

– Понял-понял. Сегодня постимся. Понял-понял, – зататорил Драйвер.

Сенявин ему не ответил.

А Митя обернулся к Александру и сообщил:

– Вы мне сегодня приснились. Мы с вами восходили на какую-то большую и очень высокую гору... Я сначала вас не узнал. Но потом понял, что это точно вы.

– Ну, *разточно* я, тогда *не вопрос*, как говорит Петрович, – ответил Труль и солнечно улыбнулся Сокольцеву.

Сага о Хельги

1

Хельги сын Авальда был из рода ярлов. Ярлами были его отец, его дед, его прадед и прапрадед. Сами они утверждали, что до них было еще десять ярлов и прапрадед был одиннадцатым по счету, прадед – двенадцатым, а дед тринадцатым. Но знающие люди возражали, что эти десять предшествующих предков жили в век сожжений, а потому о них трудно утверждать что-либо достоверное.

Доподлинно известно, что конунгами Авальды никогда не были, что их родовое гнездо было в Авальдснесе в северо-западной части Рогаланда и что старший сын в семье всегда получал имя Авальд – так у них повелось. Они, чтобы не путаться, себя обычно по номерам называли: Авальд Одиннадцатый, Авальд Двенадцатый и так далее, а прозвища им присваивал народ. Другие же их родственники носили другие имена.

Все Авальды-ярлы были людьми красивыми, возвышались над войском и хорошо одевались.

Все были людьми богатыми, постоянно увеличивали свои богатства и расширяли свои владения. Про них говорили, что Авальды, дескать, богаче тех, кому они служат, то есть конунгов Рогаланда.

Все – и прапрадед, и прадед и дед, – были влиятельными правителями в своей области. У них был многочисленный двор, и своих дружинников они щедро одаривали, а те почитали за честь и за счастье служить Авальдам.

Авальды-ярлы и их люди были успешными воинами. При Авальде Одиннадцатом, Авальде Могучем, как раз начались походы северных людей в заморские страны. Его внук, Авальд Тринадцатый, или Справедливый, участвовал в нападении на Линдисфарн у берегов богатой Нортумбрии. У них были красивые боевые корабли, носы которых украшали головы различных птиц и животных. Всем троим выпала удача и досталась победа.

Воинами Авальды были искусными. Авальд Могучий, например, ставил своего сына – не другого Авальда, а третьего по счету, Эгвальда, – он ставил его, как рассказывают, под дерево с маленькой дощечкой на голове и сбивал эту дощечку стрелой, не причиняя ни малейшего вреда своему сыну.

В стрельбе, как известно, важна не только меткость, но и сила удара. Так вот, как рассказывают, Авальд Справедливый, внук Авальда Могучего и сын Авальда Богатого, мог пробить тупой стрелой слабо натянутую воловью шкуру – так туго он умел натягивать свой лук.

Часто бывает, что, когда ярлы добиваются влияния и богатства, они не довольствуются уже своим положением и начинают соперничать с конунгом, пытаясь отобрать у него власть. Ничего похожего, судя по всему, не было в помыслах Авальдов-ярлов. С давних времен они верой и правдой служили конунгам Рогаланда.

Когда конунг Рагвальд, не доверявший своим сыновьям, предложил Авальду Могучему жениться на его, конунга, дочери и стать после смерти Рагвальда его преемником, Авальд, как рассказывают, так отвечал:

– Предки мои были ярлами. И я не желаю носить более высокого звания, чем они. Я прошу у вас, конунг, чтобы вы позволили мне быть самым большим мужем с этим званием в вашей стране.

Все три Авальда, о которых идет речь, строго следовали клятве, данной своему правителю.

Все трое брали на свое содержание, как принято, лишь треть налогов и сборов, а остальное честно отсылали конунгу.

Все трое поставляли конунгу в его войско положенные шестьдесят воинов, и это были самые храбрые и опытные из их людей.

Конунги Рогаланда не любили плавать в дальние походы.

Вместо них со своими людьми плавали Авальды, добывая богатство не только для себя, но и для своих правителей.

Самые щедрые и богатые пиры Авальды устраивали для конунгов, когда те их посещали.

Чем дальше, тем больше рогаландские конунги доверяли Авальдам. Об этом можно судить хотя бы по тому, что если раньше, в век сожжений, двор конунга находился поблизости от Авальдснеса, на острове Кармэй, то уже, как рассказывают знающие люди, при Авальде Могучем конунг подарил этот остров Авальдам, а сам перебрался дальше на юг, в Санднес, доверив добрую четверть своей страны заботам Авальдов. Конунг же Эйрик Тетерев еще дальше на юг перенес свою резиденцию – в Нэрбу, поближе к Агдиру.

Мало того, Эйрик Тетерев доверил Авальду Справедливому воспитание своего старшего сына, Эйвинда по прозвищу Кривой Рот. И дед Хельги его заботливо воспитывал вместе со своим сыном Авальдом, чужому ребенку уделяя больше времени, чем своему родному и, к слову сказать, единственному отпрыску.

Доверительно относились конунги Рогаланда к ярлам из рода Авальдов. И это при том, что, в отличие от других ярлов, Авальды пользовались большим уважением у народа. Когда Авальд Одиннадцатый вставал, чтобы произнести речь перед народом, все бонды тут же поднимались на ноги. Еще большим уважением пользовался у людей Авальд Тринадцатый, который был искусным судьей и всегда заступался

за несправедливо обиженных, даже если их противниками были люди конунга Рогаланда. За это его и прозвали Авальдом Справедливым.

Авальд-прапрадед и Авальд-прадед женились по выбору их отцов – так было принято у них в роде. Авальд-дед тоже женился на женщине, которую подыскал ему его родитель, Авальд Богатый. Женщина эта, дочь соседнего улладаленского ярла, одну за другой родила четырех дочерей, а сына не родила ни одного. Как раз после рождения четвертой дочери с Авальдом Тринадцатым случилась история, о которой часто вспоминают.

Дело было так. Во время охоты на Бокнафьорде, заночевав в лесной сторожке, Авальд заметил под потолком ласточкино гнездо; сверху оно было выстлано как будто золотыми нитями. Авальд велел достать ему это гнездо и обнаружил: то, что он принял за золотые нити, на самом деле были женскими волосами, золотистыми, длиной в рост человека. В восхищении Авальд поклялся, что разыщет ту, которой принадлежат эти чудесные волосы. Он прервал охоту, принялся ездить по соседним хуторам и скоро отыскал девушку, у которой золотистые волосы, когда она их распускала, покрывали до пят все ее тело. Звали ее Астрид.

Авальд-дед развелся со своей прежней женой и женился на Астрид. Ярл Авальд Богатый сильно прогневался на сына за его поступок, потому что Астрид эта была дочерью даже не бонда, а наемного работника. Но именно она, Астрид с

Бокнафьорда, родила Авальду Тринадцатому долгожданного сына, который со временем стал Авальдом Четырнадцатым, отцом Хельги Авальдссона.

Еще больше ходило рассказов о том, как исполнили свою судьбу эти Авальды. Уж больно неожиданными были их кончины.

Авальд Одиннадцатый, по прозвищу Могучий, погиб от удара молнии. Случилось это в ясный солнечный день, когда на небе не было ни единого облачка. К тому же молнию эту никто не видел, слышали только шипение вокруг ярла, после чего одежда на нем вспыхнула, и сам он сначала посинел, а потом почернел.

Похоронили его в том месте, где это произошло. И с той поры над этим мысом часто возникало яркое свечение, которое будто сходило с небес.

Спустя множество зим конунг Харальд Прекрасноволосый, объединивший страну и назвавший ее Норвегией, однажды увидел это загадочное свечение и велел одному из своих сыновей, который был при нем: «Вот тут меня похороните, когда я умру». Так и было сделано.

А вот что случилось с Авальдом Богатым, прадедом Хельги. Из одного из своих походов он привез пару ретивых белых лошадей: жеребца и кобылу. Диковинные для рогов кони дали потомство. И Авальд стал им поклоняться. Он утверждал, что это кони валькирий, которые приносят победу во время войны, а в мирное время, как благодатные облака, дарят свежесть долинам и плодородие почвам.

Когда Авальд шел в поход на соседних мёрков, впереди его войска всегда выступал один из белых коней. Рассказывают, что конь так грозно и яростно ржал, что врага охватывал ужас, а некоторые сходили с ума и начинали биться сами с собой.

Авальдовых коней почитали, как почитают священных животных. Их не седлали и берегли, а на йоль одного из коней приносили в жертву Фрейру. Череп коня сажали на жердь и выставляли на восточной границе, чтобы мёрки страшились подвергнуться проклятию и не нападали. Вёльси – так назывался детородный член жеребца – на праздничном пире выносился к столу с луком и другими священными травами. Вёльси клался Авальду на колени, а все присутствующие творили молитвы и заклинания.

Уже было сказано, что годы при Авальде-прадеде были в большинстве своем урожайными, и люди прозвали своего

ярла Авальдом Богатым.

Как-то раз во время жертвоприношения коня откуда ни возьмись сзади на ярла налетела серая кобылица и толкнула его в огонь. Пока людям удалось вытащить ярла из ярко горящего костра, Авальд успел сильно обгореть и через несколько дней умер от ожогов.

Сын Авальда Богатого, Авальд Справедливый, умер на охоте от укуса змеи; она ужалила его прямо под сердце.

Рассказывают, что это произошло ранним утром, когда ярл встал с постели и дунул на рукоять меча. Дело в том, что в рукояти жила малая змея, которая делала раны от меча смертельными. Змею надо было время от времени выпускать на волю и давать ей пищу. Для этого надо было дунуть на рукоять. Но ни при каких обстоятельствах нельзя было оставлять рукоять меча долгое время на солнце. А Авальд, дескать, запмятовал, и меч накануне долго купался в солнечном свете.

Все соохотники ярла свидетельствовали, что это произошло в той самой хижине, в которой Авальд-ярл когда-то обнаружил ласточкино гнездо с золотистыми волосами своей будущей жены.

Авальда Справедливого похоронили в кургане на острове Кармэй, в том самом корабле с головой дракона, в котором он совершал свои дальние походы. Находятся, правда, люди, которые утверждают, что, страдая от змеиного яда, Авальд Тринадцатый сам лег в лодку на Бокнафьорде, поджег ее и, охваченный пламенем, поплыл по фьорду в сторону моря. Но это уже сущие небылицы, которым верят только наивные люди.

И еще больше толковали в народе о том, почему этих достойных людей постигли такие странные смерти.

..... /Текст местами испорчен
 —Прим. переводчика/

Одни говорили: он как-то велел побить камнями злобную колдунью, которая часто портила пастбища и выпасы. Как водится, на голову ей надели мешок. Но в мешке была дырка....

..... Меч с малой змеей в рукояти он привез с Линдисфарна, где ограбил из сжег монастырь. Чудесный меч ему якобы подарил какой-то пиктский колду.....

..... никто не сомневался в том, что у всех Авальдов были сильные *фюльгья*, духи-спутники, если не из рода асов, то уж наверняка из светлых альвов. А смерть им принесли, похоже, огненный воробей Локи, серый конь Фуллы и одна из нидхёгговых змеек.

Отец Хельги тоже носил имя Авальд. Он, Авальд Четырнадцатый, как уже сказано, был единственным сыном у своего отца и после его смерти заступил на его место, тоже став ярлом на северо-западе Рогаланда. Это произошло еще при Эйрике Тетереве. Но через две зимы Эйрик Тетерев умер, и конунгом Рогаланда стал его старший сын Эйвинд, тот самый, которого воспитывал ярл Авальд Тринадцатый, Авальд Справедливый.

В дальние походы Авальд Четырнадцатый не ходил, а с юных лет по поручению отца защищал берега Рогаланда от морских разбойников; они стали называть себя викингami, и их уже много развелось к тому времени. Авальд Младший и его люди не только наказывали грабителей, но отбирали у них награбленное. Добычу справедливо делили между собой. Так что многие почитали за удачу плавать с Авальдом Четырнадцатым, и к нему в дружину стремились попасть со всех концов Рогаланда, а также из соседних Хёрдаланда и даже из Агдира. Авальд Четырнадцатый был искусным воином, лучше других в зимнее время бегал на коньках, а летом постоянно упражнялся в метании копья, стрельбе из лука и владении мечом.

Хозяином он был тоже успешным. На острове Кармэй он первым обнаружил запасы меди и стал добывать этот нуж-

ный металл.

Он хорошо знал законы, был красноречивым и помогал бедным людям отстаивать свои права на тингах, за что его ценило даже больше людей, чем его отца, – ведь бедных людей намного больше, чем богатых. Еще до того, как он стал ярлом, его стали называть Авальдом Добрым.

Роста он был невысокого и, в отличие от прежних Авальдов-ярлов, над войском не выделялся. Красотой также не блистал. Но, когда кто-то из других рогаландских ярлов насмешливо указал ему на это, Авальд Добрый сказал: «На полях у моих бондов ячмень и выше, и красивее, чем у твоих».

Конунгом в Стране Ругов в то время был Эйвинд Кривой Рот. Его так прозвали за то, что, когда он улыбался, рот у него как бы сползал на сторону. Его также называли Асаярлом. А в соседнем Агдире уже давно власть прибрала к рукам Аса, дочь Харальда Рыжебородого и вдова Гудрёда Охотника. Эйвинд Кривой Рот, как шутили, ей чаще других улыбался, и рот у него якобы окривел потому, что он слишком заискивал перед своей могущественной южной соседкой.

Авальд Добрый конунгу Эйвинду был верен, как все ярлы Авальды.

Когда Авальду минуло двадцать три зимы, его отец, Авальд Тринадцатый, приискал ему знатную невесту, дочь ярла Торгнюра, который управлял Улладаленом. Вместе с отцом надели лучшие одежды и поехали на восток свататься.

По дороге проезжали мимо одного двора и слышали голос девушки, которая молола зерно на мельнице и пела. Младший Авальд был так очарован ее голосом, что упросил отца остановиться и вошел на мельницу взглянуть на певицу. На ней была голубая накидка, под накидкой – ярко-красное платье. Волосы падали ей на грудь с обеих сторон и были перехвачены поясом. На вопрос, кто она такая, девушка учтиво ответила, что зовут ее Хельгой и она дочь Вигфуса. Она была высокого роста.

Ярл собирался ехать дальше, но Вигфус упросил проезжих остаться.

Вечером Авальд-ярл и Вигфус-хозяин пировали, а их дети играли в шашки.

Утром сын объявил отцу:

– Надо было вчера ехать в Улладален. Сегодня уже не получится.

– Как это? – удивился ярл.

– Вчера вечером я не удержался и сначала взял Хельгу за руку, потом дотронулся до ее плеча, а затем несколько раз

поцеловал ее. Тебя все называют Справедливым. Не мне тебе объяснять, что по закону я должен на ней жениться.

– По закону, за твое легкомыслие я заплачу виру, – возразил старший Авальд.

– А какую виру ты мне заплатишь за то, что лишишь меня женщины, которую я полюбил? – спросил младший.

– Не слишком ли скоро эта крестьянка стала твоей любимой?

– Не скорее, чем ты полюбил мою мать, дочь поденщика. Ярл долго молчал, кусая ус и теребя бороду. А потом говорит:

– Твоя мать красавица. А эта... Она тебя выше на полголовы.

– Когда она пела, у меня будто выросли крылья и я мог взлететь к верхушкам сосен, – ответил сынок.

– Смотри, как бы тебе не разбиться о землю, – сказал ярл и вышел, хлопнув дверью.

Не попрощавшись с хозяином, отец поехал дальше на восток, а сын, сообщив Вигфусу, что прийдет сватов, вернулся на запад.

К чести Авальда Справедливого надо отметить, что он выделил сыну достаточно средств, чтобы тот мог заплатить женский дар невесте и дружеский дар тестю.

Свадьбу сыграли в начале осени, за два дня до ястребиной ночи.

На свадьбу пришли три ворожеи. Наибольший почет оказали старшей, ей поставили высокое кресло с пуховой подушкой. Младшую же обделили вниманием. Она, ко всему прочему, была страшненькая.

Старшая вёльва объявила жениху и невесте, что они будут счастливы до конца своих дней, что у них родится сын, который прославится больше своих предков.

Средняя ворожея ее слова повторила и добавила, что невеста будет образцовой хозяйкой и умрет в один день с мужем.

Им обоим вручили богатые подарки, а младшую не только не выслушали, но двое подвыпивших гостей случайно толкнули ее и уронили на пол. Она разозлилась и крикнула, обращаясь к невесте: «Они ради подарков тебе главного не скажали. А я тебе говорю: беги от него побыстрее, пока он тебя не угробил!»

Ее тут же вывели из застолья ее же напарницы. Ее объявили пьяной. А в таком виде никто не предсказывает!

Ярл Авальд Справедливый на свадебном пире не произнес не единого слова и скоро ушел; еще до того, как прибыли ворожеи.

Хельга Длинноногая – такое у нее было прозвище – хозяйкой и вправду была замечательной. Она была полновластной правительницей в усадьбе, отдавала приказы работникам, служанкам и рабам и часто вместе с ними доила коров, сбивала масло, делала сыр, молола зерно, сучила нитки и пряла. Когда она пела, работа у всех спорилась. Она была такой искусницей в рукоделии, что мало кто из женщин мог сравниться с ней в этом. Ее вышивки были лучшими в Рогаланде.

И вправду Авальд и Хельга были счастливы друг с другом. Когда взгляды их встречались, всем было видно, что, как говорится в пословице, глаза не могут скрыть любви. Когда Авальду случалось бывать в отъезде, самой большой радостью для Хельги было разостлать плащ, который она получила в подарок от мужа, и подолгу им любоваться.

Их счастьем многие завидовали; в округе не было пары, равной им по счастью.

Через две зимы в месяц ягнят у них родился сын.

Люди говорили, что не видели более красивого младенца. Глаза у него были большие и голубые, кожа белая, волосы светлые и как шелк. Он редко плакал и часто улыбался.

Едва он появился на свет, отец вбежал в комнату, вопреки обычаю не дал положить новорожденного на пол, а схватил его на руки и, казалось, обо всем на свете забыл. И лишь когда ему несколько раз напомнили, что надобно дать ребенку имя, Авальд надел на него амулет Тора, облил ему голову водой и нарек сына Хельги.

Люди удивились и напомнили, что в их роду первенца всегда называли Авальдом и, похоже, счастливый отец оговорился.

Авальд никого не удостоил ответом. И лишь жене своей, матери младенца, когда уже накрывали пиршественные столы, объяснил, зайдя к ней, чтобы в очередной раз посмотреть на ребенка:

– Довольно с нас Авальдов с их странной судьбой. Этот будет Хельги. Хочу, чтобы у меня отныне было двое *святых*.

Пир Авальд устроил на славу. Поданы были лучшие кушанья. Пиво было медовое и крепкое. Всё было выметено, убрано, и зал празднично убран.

Ярл Авальд Справедливый, дед новорожденного, в это время был на охоте и на пире отсутствовал.

Но, когда вернулся и узнал, какое имя дали его внуку, несколько дней не желал видеть сына. А затем вызвал его к себе и сказал:

– Ты сам решил судьбу своего первенца. Не быть ему ярлом.

– Не люди решают судьбу, дорогой отец, – учтиво напомнил Авальд Младший.

Авальд Справедливый умер, когда Хельги миновала вторая зима, и ярлом вместо деда стал отец, Авальд Добрый, Авальд Последний, как мы это теперь знаем.

Хельги рос на острове Кармэй и был очень хорош собой. Светлые, как шелк, волосы лежали у него по плечам. В росте Хельги уступал многим своим сверстникам, был тонок в поясе и не был широкоплеч. Но грудь у него была крепкая, а руки и ноги стройные и очень сильные.

Он бегал и плавал быстрее других детей, мог перепрыгнуть через ручей, через который никто из детей перескочить не мог. Зимой на лыжах он не отставал от отца, который известным был лыжником.

Вдобавок, он был удивительно стремителен в движениях. Он всегда ловил брошенный в него мяч или камень. А однажды, задумавшись, поймал в кулак пролетавшую мимо птицу.

К тому же он был не по годам храбр. Ему было три года, когда в гости к Авальду-ярлу пожаловал Торгильс, сын Готреда Молчаливого, конунга Хордаланда. Торгильсу в ту пору было лет двадцать, но он уже успел заявить о себе в боях с морскими разбойниками. Выйдя во двор, он сел на ступени крыльца и принялся пугать игравших детей грозным рычанием и страшными гримасами. Дети задрожали от страха и разбежались. А Хельги, самый из них маленький, засмеялся, подошел к Торгильсу и, улыбаясь, стал гладить его по голове, а потом по усам.

– В один прекрасный день ты тоже станешь викингом, мальчик! – воскликнул герой.

Когда Хельги исполнилось семь лет, к нему стали тянуться многие дети, в том числе те, которые были старше его. Не потому только, что он был сыном ярла, но потому также, что был он со всеми дружелюбен, приветлив, говорил мало, но красиво и рассудительно, умел справедливо разрешить любой спор, как его дед, и сделать это ласково и с улыбкой, как его отец.

Еще больше нравилось его товарищам, что в играх и упражнениях Хельги никогда не стремился быть первым, как это обычно бывает среди детей. Способности свои он обнаруживал лишь тогда, когда этого требовали обстоятельства, и своего превосходства никогда не выставлял напоказ, давал проявить себя другим, а сам держался как бы в тени.

С детства у Хельги было столько друзей, что ему можно было бы позавидовать. Но он был из тех, кто вызывает зависть лишь у очень плохих людей.

Хельги еще не минуло девяти зим, когда произошло вот что:

Конунг Эйвинд пригласил ярла Авальда на пир, на который должны были приехать другие рогаландские ярлы. Дело было в месяце гои. Погода стояла солнечная и морозная, и Хельга, жена Авальда, упросила мужа взять ее с собой.

Выехали на двух саях с двумя воинами; ярл редко брал с собой многочисленную охрану.

До Нэрбу, где ждал их конунг, никто из них не добрался.

Дней через десять в Кармэй пришла весть, что в Аске были обнаружены две пустые подводы с лошадьми, а в пяти милях от этого селения, в лесу, в сгоревшей дотла сторожке для путников – четыре обгоревших тела. Ярла опознали по золотому обручью, загнутому по краям и называвшемуся «змея Одина», а жену его – по серебряному ожерелью с тремя золотыми подвесками. Как возник пожар и почему путникам не удалось выбраться из горящей хижины, никто не мог объяснить.

Но скоро поползли слухи. Сначала кто-то припомнил, что на свадьбе Авальда и Хельги предрекали им ворожеи, особенно – младшая. Следом за этим стали припоминать, что все Авальды-ярлы погибали неожиданной смертью, а прадед нынешнего Авальда, Авальд Могучий, сгорел от удара мол-

нии, и это произошло в ясную погоду, когда, казалось бы, ничто не предвещало несчастья. А тут еще кто-то стал утверждать, что перед самым отъездом умер бык, предназначенный для жертвоприношения; это считалось очень нехорошей приметой.

На похороны Авальда Доброго и его жены приехал сам конунг Эйвинд Кривой Рот, хотя, как известно, путь от Нэрбу до Кармэя совсем не близкий. По всему было видно, что конунг горюет о смерти своего верного ярла. Рот его ни разу не искривился в улыбке, и слезы стояли в глазах.

Осиротевшего Хельги он усадил к себе на колени и объявил, что берет ребенка на воспитание.

Тогда еще здравствовала Астрид, мать погибшего Авальда и бабушка Хельги. А также были у юного Авальдссона двоюродные дядья. Все они со своими людьми были готовы воспитывать сироту и прямо заявили об этом конунгу Эйвинду. Но тот возразил:

– Дед Хельги, Авальд Справедливый, когда-то меня воспитывал. Теперь настал мой черед воспитать его внука.

К этому Эйвинд прибавил, что помимо королевского воспитания он, конунг, когда мальчик повзрослеет, сделает его своим ярлом и даст ему большие земли в другой части Страны Ругов, а Северо-Западным Рогаландом пусть управляет Хрейдар, один из его дядей. Против этого предложения никто не стал возражать, особенно Хрейдар, которого сделали ярлом.

Авальда и Хельгу похоронили в кургане из камня и глины и укрепленного бревнами.

Перед тем как уехать вместе с конунгом, Хельги попросил, чтобы ему дали с собой плащ, меч и копье его отца.

– Знай, что, беря с собой эти вещи, ты возьмешь и родовую судьбу Авальдов. Тебя это не пугает? – заметила ему Астрид, его бабка.

– В моем роду не произносят такое слово, – возразил восьмилетний внук.

Некоторые из Авальдовых дружинников хотели последовать за Хельги. Но Эйвинд им запретил, сказав, что *сидящий на конунговых коленях* не будет испытывать недостатка в воинах.

Отправились

Как предсказывал драйвер Петрович, несмотря на свои гневные заявления и угрозы немедленно уехать, профессор Сенявин вместе со всеми отправился на рыбалку.

Завтрак съел молча. Ушел, ни слова никому не сказав. Но, когда Труль, Митя и Драйвер облачились в рыболовные комбинезоны и вышли во двор, там их уже поджидал Андрей Владимирович, по форме одетый и готовый к рыбалке.

На радостные восклицания Драйвера и лучезарные улыбки Телеведущего, что называется, бровью не повел. И первым шагнул к воротам. Вид у него был такой, будто он один на базе, и во всем свете – один-одинешенек, и вот, решил в своем гордом одиночестве порыбачить и какую-то грустную думу обдумать.

Выйдя за ворота, широко и решительно зашагал к пирсу, стремительно отдаляясь от других рыболовов.

Петрович засеменял следом, сохраняя, однако, уважительную дистанцию между собой и Профессором.

Отставая от них, шли Митя и Труль. Митя, страдая поясницей, ступал осторожно, прижав руки к бокам и изредка морщась. Александр сопровождал его.

Несколько раз Труль попытался заговорить со страдальцем. Сначала сочувственно поинтересовался, как чувствует себя Соколыцев. Затем деликатно полюбопытствовал, ча-

сто ли Дмитрию Аркадьевичу случается бывать на рыбалке. В третий раз, когда Митя особенно сильно сморщил лицо, Трульв предложил им двоим вернуться на базу и на его, Сашиной, машине съездить к врачу, в Приозерск, в Сосново, да хоть в Питер, если понадобится.

Первый Трулев вопрос Митя, похоже, вообще не расслышал. В ответ на второй глянул на Александра своими прозрачными голубыми глазами и жалобно улыбнулся. А на Сашино предложение сначала закашлялся, а потом ласково заверил Ведущего в том, что болезнь его совершенно не заразная.

– Да я не о кашле – я о спине! – в сердцах воскликнул Трульв. – Можно ведь сделать обезболивающий укол!

Митя лишь благодарно улыбнулся в ответ.

Профессор сел в лодку еще до того, как Драйвер ступил на причал.

Когда Соколыцев вползал в катер, Ведущий поспешил вернуться.

Еще за завтраком договорились о двух вещах: ловить будут на те новейшие приманки, которые привез с собой Трульв, и ловить будут там, где Александр укажет, пользуясь своим эхолотом. По первому пункту договора Петрович не выдвинул никаких возражений. А по второму позволил себе заметить: «Но ты ведь мест наших не знаешь». На что Алек-

сандр ему разъяснил: «Я, Толь, до того как пришел на телевидение, лет десять работал егерем на рыболовных базах». И Драйвер тотчас отозвался фирменным: «Не вопрос».

Стало быть, «парадом командовал» Александр: выехали в том направлении, которое он указал; замедлили ход там, где он скомандовал, и там стали *раскрываться* – выпускать поплавки, цеплять за тросы карабины и вставлять в них пленки от спиннингов. Как и накануне, использовали все восемь верхних спиннингов и три бортовых: два справа и один слева.

Увидев новейшие воблеры, которые извлекал из своего рюкзака Ведущий, Петрович восхищенно воскликнул:

– Ну, блин, раздуй вас горой, – охерительная красота!

Он коснулся одной из приманок и тут же отдернул руку, словно воблер обжег ему пальцы.

– Прямо страшно дотрагиваться до такой красотишшы, – признался Драйвер.

– Толь, давай побыстрее насаживать, – скомандовал Труль и, глянув на экран своего эхолота, добавил: – Тут под нами целая стая зачетных *подонков*.

– Не вопрос, – согласился Петрович и принялся ловко навешивать воблеры, которые распечатывал и подавал ему Александр.

С четвертой приманкой Драйвер, однако, замешкался.

– На такую хреновину можно, по ходу, и Мирового Змея подцепить, – сказал он и посмотрел на Профессора. Но тот

демонстративно закрыл глаза: дескать, не только не слышу, но и видеть тебя не желаю.

...Когда все спиннинги были оснащены и троллинг продолжился в полном объеме, Петрович испуганно объявил:

– Ну всё, Сань! Теперь точно не клюнет. Да не в жизнь!

– Это еще почему? – спросил Александр.

– Потому что мы люди скромные и к такой заебесовой роскоши не привычные. Так давай скажем, – так сказал безносый карел.

– Ключут, – заверил Ведущий и, усмехнувшись, прибавил: – В отличие от тебя, допотопного мракобеса, лосось – рыба продвинутая, идет в ногу с прогрессом.

Мотор на катере был двухсотой четырехтактной Ямахой. Можно было разговаривать, не напрягая голоса.

Не клюнуло ни через четверть, ни через полчаса, хотя Труль направлял лодку в самые, как он говорил, *музыкальные* места, где, по его расчетам, невозможно не быть лососю. Тем более что на его фирменном голландском эхолоте в этих местах под катером виднелись прямо-таки стаи рыб.

– Что за чушь? – несколько раз спросил Александр.

Первый раз на этот вопрос Петрович ответил:

– Рыбы – не люди. Им эти ваши ино... как они там?... ино-вашки насильно не впаришь, если им они не по кайфу.

Второй раз Драйвер изрек:

– Они на тебя, Сань, по ходу, обиделись. Ты их «подонка-

ми» обозвал. А они в четверг на пяти метрах тусуются.

В третий раз объяснил:

– При таком тумане они вообще не берут.

Труль оторвался от эхолота и огляделся. Туман, ранним утром покрывший озеро, теперь частью поднялся вверх и стал как бы облаками, слишком зелеными и прозрачными для облаков настоящих, а частью напoлз на берег и там, типа, дымился – несколькими в разных местах будто разожженными кострами. Озеро же сверкало на солнце серо-синим цветом, холодным, почти металлическим.

– Туман давно ушел с озера, – возразил Ведущий.

– А ты надень очки – увидишь, – велел Петрович.

У Александра надо лбом были модные темные очки, душки которых крепились на висках. Труль следовал моде и редко спускал очки на глаза.

Теперь он надел их на переносицу. И через короткое время очки запотели.

– Теперь понял, что мы в тумане? – спросил Драйвер и пояснил: – У нас иногда приходит такой туман. Мы его называем *некюмет*... Не знаю, как это будет по-русски.

Прошло еще с четверть часа.

Все это время сидевшие друг против друга Митя и Профессор не проронили ни слова. Митя лишь один раз закашлялся, но кашлял долго, надрывно, будто раздирая себе внутренности. Отодвинувшись от него на максимально воз-

можное расстояние, Профессор лишь изредка приоткрывал глаза и снова их закрывал.

Один раз, открыв глаза, он уперся взглядом в спину Петровичу. И тот вдруг вострепнулся, развернулся на вращающемся рулевом кресле и игриво спросил:

– Как вчера, коньячку?

Профессор ему не ответил и вновь закрыл глаза.

Драйвер выждал и снова попробовал:

– Может, для разнообразия вискарем поправимся?

Сенявин открыл глаза, встал и ушел на нос лодки. Петровича он и взглядом не удостоил.

– Вы, это самое, зря обижаетесь! Я ведь от всей души! – крикнул ему вслед Драйвер.

Едва ли его Сенявин услышал.

Еще через полчаса Ведущий с Петровичем поменяли приманки на всех одиннадцати спиннингах. Сверившись с макбуком, Труль велел Драйверу *удержать курс на десять часов* – так он выразился. А сам перешел на нос катера и сел на скамью напротив Профессора.

– Вы позволите?

Сенявин лишь коротко покосился на него и стал смотреть в сторону берега, над которым дымился туман.

– Если я вам помешал, я тут же уйду, – прибавил Александр.

Профессор слегка покачал головой и стал оглаживать бороду.

Помолчали. И Труль сказал:

– До сих пор нахожусь под впечатлением от ваших лекций.

Сенявин отвернулся от берега и стал разглаживать черные усы, глядя на нос лодки.

– Лекции замечательные! – радостно воскликнул Александр и просиял улыбкой.

Профессор наконец обернулся к Ведущему и произнес:

– Издеваетесь?

– Подлизываюсь, – мгновенно отреагировал Труль и подумал: «Стало клевать».

– А чем сегодня порадуете? – затем спросил Александр.

Сенявин посмотрел на него не то с укоризной, не то с удивлением.

«Теперь надо аккуратно подсечь и осторожно вываживать», – подумал Ведущий.

– Понял вас, – кивнул Саша, встал и ушел с носовой части.

Но через минуту вернулся, принес две откупоренные пивные бутылки. Одну из них протянул Профессору. Тот безглаголиво поморщился и отвернулся. Труль же уселся рядом с Сенявиным и принялся прихлебывать из одной бутылки, другую держа в руке.

– И о чем пройдет речь?

Профессор нахмурился.

– Неужто все замечательные лекции вы вчера нам прочли и ничего новенького не осталось?

– Послушайте... молодой человек!.. – с досадой начал Се-

нявин. Но у Трулля в мыслях сверкнуло: «Не давай ему уйти в глубину! Держи на поверхности!» – и он радостно перебил:

– О засилье и произволе чиновников у нас часто и многие рассуждают. Но назвать это явление Гидрой! Эту Гидру описать! Сравнить наших чиновников с криминальной братвой и их правила поведения – с лагерным обиходом... Гениально, профессор!

– Да бросьте вы, – возразил Профессор, но хмуриться перестал.

– И пронзительно о пассивности нашего народа. О его, можно сказать, исторической надежде на Доброго барина, на Царя-батюшку... Зло, конечно, цинично. Но, черт побери, образно!

– Я ведь, если помните, предупредил, что намеренно буду зло говорить. Чтобы ярче была картина... – Сеньявин чуть улыбнулся. А Труль продолжал, сияя лицом:

– Особенно меня зацепили три исторических портрета, которые вы мастерски, не побоюсь этого слова, нарисовали, – Грозного, Петра и Сталина! Как они пытались вырваться из удушающих объятий нашей бюрократии и так далее, и так далее!.. Ни у кого из наших знаменитых историков я подобного не встречал. Не говоря уже о современных... *якобы историков.*

Последние два слова Труль подчеркнул и с восхищением стал смотреть на Профессора. А тот будто смутился и стал оправдываться:

– Вы, конечно, несколько преувеличиваете... Но, видите ли, история *аналитическая*, к которой я себя отношу, – наука совсем молодая; она лишь немногим старше ядерной физики. Ее основателями я считаю прежде всего Тойнби и частично – Льва Гумилева... Потому, говорю, частично, что Лев Николаевич слишком увлекся солнечной активностью и сотворил кумира из своей...

«Теперь еще раз подсесть и можно вытаскивать», – подумал Ведущий и снова перебил Профессора:

– Понял, что вы аналитик, Андрей Владимирович. Но ваша аналитика меня как раз и смутила. Сравнить живой организм со зданием? И это здание разделить на этажи и на комнаты? Понимаю, что так вам удобнее. Но это ведь своего рода... как бы это нежнее выразить?.. типа, вивисекция... Аналитика ваша как бы препарирует, разрезает живое и расчленяет целое.

Сенявин смущаться перестал.

Труль сидел от него справа, в обеих руках держа по бутылке. Из правой несколько раз отхлебнул. А левую чуть отставил в сторону. И эту левую откупоренную бутылку с пивом Профессор у Ведущего осторожно забрал – дескать, давайте я вам помогу, вам ведь, поди, неудобно с двумя-то бутылками.

– Верно подмечено, дорогой Александр... Александрович, – согласился Сенявин. – Целое, разумеется, надо как целое рассматривать. При этом, однако, неплохо иметь пред-

ставление, из каких частей состоит и как они взаимодействуют... Это мы вчера, помнится, бегло рассмотрели... Но целое мы, конечно, не затронули. Это намного сложнее сделать. Особенно, если это целое живое и к тому же *Великое*! Тут требуется совершенно особый подход!

Профессор взмахнул правой рукой, и часть пивной пены выплеснулась ему на колено. Левой рукой Сенявин принялся стряхивать пену со штанины. И продолжал:

– Я, кажется, уже упоминал, что мой дед был врачом. И врачом выдающимся. Я имею в виду не славу его... хотя она у него была поистине всесоюзная... Я назвал его выдающимся, потому что он, дед мой, Андрей Владимирович Сенявин, полный мой тезка, обладал редким даром видеть в своем пациенте не только больного, а именно *целостного* человека, со всеми его физиологическими и психологическими особенностями, с его неповторимой наследственностью, всей его жизненной историей, лишь частью которой можно считать историю его данной болезни.

– Надеюсь, он в добром здравии? – поинтересовался Труль.

– Нет... он нас покинул...

– Вечная память ему, вашему дедушке, – тихо и ласково проговорил Ведущий и деликатно отхлебнул из бутылки.

Профессору ничего не оставалось, как тоже приложиться к горлышку. И он это совершил не спеша, продолжительно и с удовольствием.

– Я почему вспомнил о деде, – выпив, заговорил Сенявин. – В какой-то момент я решил последовать его примеру и в своих аналитических исследованиях смотреть на государства, на народы, на нации как на целостные и живые организмы... Я разработал подход, который можно условно называть *биоисторическим*. В этой, с вашего позволения, *биоистории* меня интересуют не государи, как Карамзина, не события, как Устрялова, не народ, как Полевого, и не государственность, как Соловьева, а бытие и даже, если позволите, *Житие России-Руси*.

Профессор снова со вкусом приложился к бутылке. А потом:

– Если вы не лукавите... И если я вам еще не надоел... – Сенявин не договаривал, потому как Ведущий уже на первых его словах энергично замотал головой: дескать, помилуйте! О чем вы, ей-богу?! – Могу предложить вашему вниманию некую динамическую зарисовку. Или точнее сказать: Житие Руси. Принимается?

– Еще бы! Конечно же! Однозначно! – стал восклицать Ведущий и три раза кивнул.

– Но заранее предупреждаю, что тут исторический анализ будет, так сказать, с художественным привкусом. Ибо наука действительно останавливает и омертвляет, и текучую жизнь способно уловить лишь искусство... Кстати сказать, у Михаила Погодина, еще одного нашего научно-исторического великана, имеются крайне любопытные рассуждения о

том, что *безанатомии* истории, без исторической *физиологии* нельзя строить никакие системы и никакие теории...

– Постараюсь как можно короче, – продолжал Андрей Владимирович. – Учитывая, что мы будем рассматривать Русь-Россию как живое существо, нам надо изначально договориться о ее, так сказать, главных анкетных данных – родители, пол, годы жизни, семейное положение... О родителях я, с вашего позволения, чуть позже скажу. А сейчас главное – пол... Пол, вне всякого сомнения, женский. Тут, полагаю, никто возражать не станет. Ни ваш любимый Бердяев, ни кто иной мало-мальски разбирающийся в анатомии жизни. Русь родилась девочкой и, взрослея, эту свою женственность лишь разнообразила и усиливала... Россия настолько Женщина, что я всегда с опаской употребляю слово «Отечество». «Родина», «Родина-Мать» – так говорит народ. И любит Россию как мать... Отечество, Фатерлянд – это для немцев. Потому как Германия, Дойчланд, – определенно мужчина... Вы согласны?

– Что Россия больше женщина, чем мужчина, пожалуй, согласен, – осторожно откликнулся Трульв.

– Небольшие, а *сущностно* женщина! – строго возразил Сенявин и продолжал:

– Идем дальше – годы жизни. Именно *годы жизни*, а не исторические периоды, которыми мыслят историки. Раз Россия у нас существо, стало быть, у нее есть различные *возрасты*: детство, отрочество, юность и так далее... Годом

рождения я положил год восемьсот шестьдесят второй, следуя «Повести временных лет». А *биологическим* годом решил считать 17 лет. Получается, что свое десятилетие наша девочка встретила в 1032 году, двадцатилетие – в 1202-м, тридцатилетие – в 1372-м...

Тут Труль достал из рюкзака мобильный телефон и включил его.

Профессор в очередной раз хлебнул из бутылки и объявил:

– Теперь о семейном положении. И это, пожалуй, самое главное в нашей истории. Категорически утверждаю, что у Руси и России нет и не было мужа. Вернее, муж у нее – Бог, которому она себя посвятила в своем раннем детстве. Хотите, считайте ее амазонкой; они когда-то обитали в наших южных пределах. Хотите, называйте ее страждущей вдовой, которой судьба уготовила тернистый путь, – так ее представлял себе Максим Грек, один из предтеч нашей биоистории... Мне же больше по сердцу образ гомеровской Пенелопы, ждущей своего Одиссея. С той лишь разницей, что муж ее, Бог Вездесущий, всегда был с ней. Но разные, так сказать, *женихи* ей с юности докучали, ее объедали, грабили и насиловали. Они были лишь сожителями Руси. И это первое, что нам сразу же надо определить... Второе – они не были конкретными историческими лицами. Ведь мы с вами сочиняем житие или биоисторию, а не создаем реальное историческое полотно. Чтобы вам было понятнее, их можно срав-

нить с демонами или с духами, которые в нашу Матушку пытались вселиться, овладеть ею и управлять не только ее плотью, ее душой, разумом, сердцем...

– И кто эти женихи? – не удержался Ведущий.

– Немного терпения, молодой человек, – усмехнулся Сенявин. – Мы до них вот-вот доберемся. А заключительный пункт нашей преамбулы – в Евангелии Иисус говорит: «Возлюби Бога все сердцем своим, всей душою своею, всей крепостью своею, всем разумением своим». Коль скоро у нас с вами Житие, позвольте этот тетраптих – сердце, душа, разумение, крепость (я в таком порядке хочу его расположить) – использовать как нашу, если угодно, дорожную карту. И сказать, что *сердце* – это истинно верующие люди и в первую очередь – святые. *Душа* – это мятущаяся между сердцем, плотью и разумением творческое естество национального существа: писатели, музыканты, художники и подобные им. *Разумение* – то, что мыслит, управляет душой и плотью. Вернее, пытается управлять. И даже подсказывать сердцу. А *крепость* – иммунная система, то, что охраняет самобытность и отторгает всё чуждое и враждебное... Сейчас, боюсь, это не очень понятно. Но нам это различие весьма пригодится.

Профессор замолчал и допил содержимое своей бутылки.

– По-моему, довольно понятно, – заметил Трулль. – Вы только «плоть» не определили.

– Плотью предлагаю считать всё то, что не сердце, не душа и не разумение... но что составляет нашу оставшуюся жизнь:

алчущую и жаждущую, кормящую и пожирающую, в значительной степени бессознательную... Ну, «плоть», Саша! Мы ведь о Женщине говорим! Неужели непонятно и надо определять?

– Окей, – согласился Трулль. – Но у меня к вам встречное предложение. Давайте вернемся к удочкам. Пусть все вас слушают.

– О ком вы?... О драйвере с этим... несчастным? – удивился Сенявин и нахмурился. – Вообще-то я для вас начал рассказывать.

– Я буду вас очень внимательно слушать! И попутно приглядывать за рыбалкой! – радостно заверил Андрея Владимировича Ведущий и добавил: – А то мы рискуем остаться без обеда... Да и пиво у вас, я вижу, закончилось.

У Трулля бутылка была почти полной.

Профессор отложил на сиденье свою пустую бутылку и сказал:

– Воля ваша!

Оба поднялись и ушли с бака, к Драйверу и Мите.

Хельгисага (18–31)

18

Конунг Рогаланда Эйвинд по прозвищу Кривой Рот, как уже говорилось, особым расположением у народа не пользовался. И прежде всего потому, что во многом зависел от Асы, дочери Харальда Рыжебородого, которая правила в соседнем Агдире после того, как ее слуга убил ее мужа Гудреда Охотника. В тот год, когда Эйвинд взял на воспитание Хельги, сын Асы, Хальвдан Черный, уже начал подчинять своей власти вестфольдские земли; на следующий год стал правителем всего Вестфольда и половины Вингульмёрка, а еще через год завоевал Раумарики. Он был удачливым воином, властным и жестоким правителем и с детства привык следовать советам матери.

Оценив свои силы, конунг Эйвинд благоразумно решил, что лучше ему подчиниться агдирским хозяевам и выполнять их желания, чем независимым поведением вызвать их недовольство и рано или поздно лишиться власти над своими землями, как это случилось с конунгами Вингульмёрка и Раумарики, не говоря уже об Олаве, единокровном брате Хальвдана, которого, как поговаривали, тайно умертвили в Гейрстадире, а потом объявили, что он сам по себе умер от

болезни.

По приказу Асы Эйвинд поставлял ей и Хальвдану лучших своих воинов, снаряжал боевые корабли в дальние морские набеги. В Эйрикстадире возле своего дома конунг выстроил просторные гостевые палаты, стены которых завешивались дорогими фризскими гобеленами, убирались цветными щитами, шлемами и кольчугами, а лавки покрывались блестящими полавочниками и расшитыми подушками. В них принимали гостей из Агдира и Вестфольда. По сравнению с домом, в котором жил конунг Рогаланда, эти палаты выглядели настоящим дворцом.

Взятого на воспитание Хельги конунг Эйвинд окружил вниманием и заботой. Он поручил его опытным воспитателям и любил повторять, что у него, Эйвинда, отныне три сына и Хельги среди них старший.

Родных сыновей конунга звали Сульки и Соти. Сульки был на год моложе Хельги, а Соти – на три года. Они также приняли Хельги как родного и скоро так к нему привязались, что старались не разлучаться.

Уже говорилось, что Хельги от рождения был очень хорош собой, к тому же приветлив и обходителен. Он прямо-таки притягивал к себе самых различных людей, в особенности детей, которые будто грелись в его присутствии, как зимой греются у очага, а весной – на ласковом солнце.

Без малого десять зим Хельги Авальдссон провел у конунга Эйвинда Кривой Рот, и с годами их дружба с Сульки и Соти только усиливалась: ничто их не разделяло – ни слово, ни дело.

Как известно, сыновья богатых бондов стремятся быть поближе к сыновьям конунгов и ярлов и вместе с ними обучаться военным искусствам, составляя то, что в те времена, о которых идет речь, называлось *малым конунговым хирдом*, или отрядом детей мужей. На пирах они сидели за отдельной скамьей, воины брали их с собой сначала на охоту, затем – в несложные походы, и, взрослея, они пополняли собой дружину ярла или конунга, добывая себе славу и богатство.

Такого рода малая дружина постепенно образовалась в Эйрикстадире, и Хельги мог бы в ней верховодить. Но он всячески подчеркивал, что главный в их компании Сульки, старший сын конунга. И тот за это еще сильнее привязался к своему побратиму.

Хельги всех одаривал своей дружбой. Но помимо сыновей конунга ближе всего к нему были, пожалуй, Вестейн, Кари и Флоки.

Под руководством опытных наставников отроки конунгового хирда упражнялись в том, что необходимо каждому мужчине и воину: фехтовали на мечах, стреляли из лука, метали копья и камни, бегали и плавали, обучались прыжкам в высоту и в длину, без оружия и с оружием, с тяжестями в руках и с грузами на теле. Хельги в этих упражнениях неизменно участвовал, но никогда не стремился быть первым.

В тренировочных схватках он больше любил уклоняться, чем наносить удары. При этом чем напряженнее было состязание – фехтование или борьба, – тем ярче на его лице светилась улыбка. За это он получил прозвище – Хельги Улыбка. Ведь обычно, когда люди состязаются и напрягаются, лица у них становятся напряженными, или хмурыми, или яростными. Но не у Хельги!

Так вел он себя на глазах у товарищей. Но часто улучал момент и с одним из воспитателей, человеком по имени Эндот, удалялся в какое-нибудь безлюдное место, на берег фьорда или на лесную поляну, и там учился рубить мечом с обеих рук; он так быстро взмахивал мечом, что, казалось, будто в воздухе не один меч, а целых три летают. В полном вооружении он подпрыгивал больше чем на высоту своего роста. Плавал он как тюлень: быстро, далеко и, если надо, лишь изредка выныривая на поверхность.

Особо любил Хельги взбираться на скалы, которые со стороны выглядят отвесными. На таких скалах обычно гнездятся тупики. Хельги подбирался к их гнездам и добывал птичьи яйца, которые дарил конунгу Эйвинду и его жене – они ими лакомились и благодарили приемыша.

Обычно Хельги карабкался на неприступные скалы в одиночестве, чтобы не подавать товарищам опасный пример. Но Сульки и Соти однажды тайно подглядели, как он это делает, и Соти – ему тогда было лет семь – полез на гору, крутую и опасную даже для взрослого человека. Кое-как преодолев несколько уступов, Соти оказался на вершине утеса. Но спуститься уже не мог и стал звать на помощь. Сульки не решился ему помочь, и правильно сделал, потому что с такой крутизны они бы оба сорвались. Люди, которых Сульки призвал, отроки и взрослые, тоже в нерешительности стояли внизу. По счастью, мимо проходил Хельги. Он тут же сбросил с себя плащ, легко влез на гору, посадил Сульки к себе на спину и спустился вниз безо всякого вреда.

Когда об этом происшествии доложили конунгу, Эйвинд объявил:

– С этого дня я считаю Хельги не только моим воспитанником, но и моим приемным сыном.

При этом конунг так широко улыбнулся, что рот его силь-

нее обычного сполз набок.

В другой раз Хельги с Эндотом отправились на приморские скалы собирать анжелику – растение, которое употребляют при лечении увечий. Камни внезапно покатались из-под ног Хельги, и он повис над пропастью, уцепившись за стебель растения. Он молча висел, не окликая своего наставника. А когда спустя некоторое время Эндот спросил подопечного, собрал ли тот достаточно анжелики, Хельги, улыбаясь, спокойно ответил:

– Думаю, мне ее хватит, когда та, за которую я держусь, выскользнет.

Только тогда Эндот понял, что Хельги находится в смертельной опасности, и вовремя помог ему выбраться.

В искусстве скалолазания Эндот превосходил Хельги, но спокойное мужество отрока его удивило.

Среди дружинников конунга Эйвинда был человек по имени Рафн. Он подвизался среди наставников и часто оказывался рядом с Хельги, ничему его не обучая, но иногда с ним заговаривая.

После того случая с анжеликой Рафн похвалил Хельги за проявленное мужество.

– Не меня надо хвалить, а моих родичей, – возразил Хельги. – От них мне достались две ценные для мужчины вещи. Одна из них – то, что я, похоже, не испытываю страха.

– А что за вторая вещь? – поинтересовался Рафн.

– Я с детства двигаюсь быстрее, чем другие люди.

В другой раз Рафн спросил Хельги, что он думает о смерти своих родителей.

– У каждого своя судьба. Их судьбой было вместе радоваться жизни и вместе умереть. Мне думается, это удача, – так ответил юноша.

– А вот тебя удача покинула, – грустно заметил Рафн.

– Быть воспитанником самого конунга – это непохоже на неудачу, – сказал Хельги.

Он часто уходил на морской берег, садился на камень и подолгу смотрел вдаль.

Однажды сзади к нему подошел Рафн и спросил:

– Что ты тут делаешь?

– Я нахожу лучшее удовольствие в том, чтобы любоваться красивыми кораблями, проходящими мимо.

– Но я не вижу ни одного корабля, – удивился Рафн.

– Корабля надо уметь дожидаться. Красивого – особенно, – откликнулся Хельги и улыбнулся.

Хельги минуло пятнадцать зим, когда ему пришлось участвовать в первом поединке.

Какой-то человек толкнул на дороге женщину, сшиб ее с ног и не подумал остановиться. Хельги сделал ему замечание, а тот стал браниться, угрожать, и дело кончилось тем, что он вызвал Хельги на поединок. Он был высокого роста, широк в плечах и, судя по всему, к тому же еще и берсерк.

Друзья уговаривали Хельги не связываться. Но тот улыбнулся и вызов принял.

Верзила явился на место поединка на коне и заявил, что с коня не сойдет. С ним были два секунданта, а с Хельги один только Вестейн.

– Ну, если ему удобнее на лошади, мне тоже будет удобно, – сказал Хельги, хотя Вестейн предлагал ему отказаться от поединка из-за явного нарушения правил.

И вот берсерк завыл и, поднеся щит ко рту, стал кусать его край и свирепо скалиться. А Хельги метнулся вперед и, поравнявшись с конем обидчика, мгновенно ударил ногой по низу щита. Щит так и влетел берсерку в рот и выломал челюсть, и она свалилась ему на грудь. От боли верзила потерял сознание и упал с коня. Поединок на этом закончился.

А дальше, как по пословице: стоит одному камню сорваться – за ним другие посыплются.

Один за другим люди буйного поведения стали как будто специально приходить в Эйрикстадир и задиаться не к Хельги, а к его друзьям; сам он, не отличаясь честолубием, мог бы пропустить оскорбления мимо ушей, но этого не снесли бы его товарищи по отряду, а Хельги не желал подвергать их опасности.

Поединки состоялись в разных местах, на разных условиях и с разным оружием.

Противники, как это принято перед началом сражения, раззадоривали себя обидными речами и яростными выкриками. Но Хельги никогда им не отвечал.

Лица буянов искажались зверскими гримасами. Хельги же, по своему обыкновению, улыбался; разве что перед самым нападением улыбка его становилась печальной.

Все поединки Хельги выиграл и никого не убил, а только слегка ранил до крови, чтобы его победа была признана и можно было потребовать виру.

Лишь один раз он изувечил своего противника.

Дело было так:

Однажды навстречу Хельги попался человек высокого роста. Он назвал себя Сорле Сильным. И действительно, видно было, что справиться с ним трудно.

– Слушай, малец, дай-ка мне денег! – велел он.

Хельги ему вежливо ответил:

– Неразумно давать займы незнакомому человеку.

– Боишься, что я не верну тебе долг? А мне какой-то болтун говорил, что ты ничего не боишься! – удивился Сорле.

– Будь по-твоему, – сказал Хельги и дал денег.

Вскоре после того Хельги увиделся с конунгом и рассказал ему об этом случае. Конунг сказал:

– Не повезло тебе. Это очень плохой человек – известный разбойник. Не связывайся с ним. Лучше я подарю тебе столько, сколько ты дал ему.

– Плохи же тогда мы, ваши дружинники, если позволяем отнимать у себя свое добро, – ответил юноша.

Вскоре после этого он встретил Сорле и потребовал уплаты долга. Но тот сказал, что еще никому не возвращал взятые деньги.

Хельги грустно вздохнул и сказал:

– Либо ты вернешь мне долг, либо через три ночи мне придется биться с тобой на поединке. Ты сам меня к этому

вынуждаешь.

Сорле рассмеялся и сказал:

– Никто еще не решался вызывать меня на поединок. Слишком многие поплатились своей шкурой!

На этом они расстались.

Когда Хельги рассказал Эндоту о том, что произошло между ним и Сорле Сильным, наставник сказал:

– Плохо дело. Тебя угораздило связаться с колдуном, который может сделать тупым любое оружие... Мы вот как поступим. Я дам тебе меч. Сражайся им, а этому человеку покажи тот меч, с которым ты явишься на поединок.

Когда соперники встретились и встали друг против друга на подножники, Сорле спросил, что у Хельги за меч. Хельги показал ему свой меч и взмахнул им, а меч, который ему дал Эндот, спрятал у себя в рукаве, обвязав его рукоятку ремнем.

– Не спасет тебя твой меч, – сказал Сорле, посмотрев на меч Хельги.

И он свирепо рубанул своим мечом. Хельги едва успел от него уклониться и тотчас нанес ответный удар мечом Эндота. Но берсерк стоял, не защищаясь. Он ведь думал, что у Хельги тот самый меч, который тот ему показал раньше. И Хельги отсек у Сорле правую руку.

Рука упала на подножник и вместе с ней меч, который она держала. Сорле с удивлением их разглядывал. А Хельги сказал:

– Смотри или не смотри – руки у тебя больше нет. Колдовство и обман нынче дорого стоят.

От виры Хельги отказался и долг берсерку простил, объявив, что тот с ним вполне рассчитался.

Тут нужно заметить, что о похожем происшествии рассказывается в саге о Гуннлауге Змеином Языке. Но, правду сказать, Гуннлауг был исландцем, а в то время юности Хельги этот остров еще не открыли, и никто из северных людей не знал о его существовании.

Хельги перестали вызывать на поединки после того, как он встретился...

.....
/Далее текст обрывается –Прим. переводчика/

Когда Хельги исполнилось шестнадцать зим, конунг Эйвинд сказал ему:

– Хватит тебе биться на поединках и без толку рисковать своей жизнью. Я дам тебе корабль. Плавай на нем вдоль наших берегов и защищай их от разбойников. Так ты сможешь показать себя с пользой для дела.

Сульки и Соти, сыновья конунга, хотели отправиться вместе с Хельги. Но конунг им отказал, сказав, что для них он найдет другое занятие.

Хельги хотел, чтобы с ним плавал его наставник Эндот. Но Эйвинд с каким-то поручением отправил Эндота в Агдир, откуда тот был родом, а в наставники Хельги определил Рафна.

Все люди, которых конунг дал Хельги вместе с кораблем, были из взрослой дружины. И только Вестейну и Кари удалось уговорить конунга отпустить их вместе с их другом. Рассказывают, что они дождались момента, когда Эйвинд был в хорошем настроении, и Вестейн воскликнул:

– Пожалей нас, конунг! Мы умрем от голода, если ты не позволишь нам плавать с Хельги!

– Почему от голода умрете? – удивился Эйвинд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.